

Глава 54. Сон под одним одеялом

Линь Ци, сбитый с толку рассуждениями брата, недоверчиво повертел в руках своё ещё не тронутое яблоко. Обычный плод, ничего примечательного.

— Ты сейчас ещё скажешь, что у второго дедушки даже воздух слаще нашего? — с усмешкой спросил он, подходя к крану, чтобы сполоснуть фрукт. Жажда давала о себе знать.

Линь Линь глубоко вдохнул, словно действительно сравнивая атмосферу, и серьёзно ответил:

— Ну, воздух везде в городе С примерно одинаковый. Но яблоко... Ты его есть собираешься? Если нет — отдай мне.

Не то чтобы Линь Линь был обделен угощениями, но, едва откусив кусочек, он пропал. Казалось бы, ну насколько сладким может быть простое яблоко? Однако этот вкус покорило его мгновенно.

Причина была проста: и этот дом, и этот плод обладали какой-то необъяснимой магией. Они дарили покой и странное чувство полноты жизни. Стоило погрузиться в эту атмосферу, как радость рождалась сама собой, без всяких усилий.

Линь Линь замер, разглядывая надкушенный бок фрукта. Обычная кожица, обычная мякоть. Почему же на душе становится так светло? Может, это какой-то новый сорт? Если дяди из этой ветви семьи вывели яблоки, способные дарить людям счастье, то научным лабораториям пора закрываться — Нобелевская премия за вклад в благополучие человечества им обеспечена.

Пока Линь Линь предавался фантазиям, Линь Ци посмотрел на него как на умалишенного и поспешно откусил от своего яблока, пока брат не решил его приватизировать.

Линь Линь замолк, во все глаза глядя, как Линь Ци пережевывает и сглатывает первый кусок.

— Ну как? — нетерпеливо спросил он. — Я же говорил!

— Погоди... дай мне прийти в себя, — выдохнул Линь Ци.

Ещё в гостиной он пытался сохранять хладнокровие, но череда событий выбила почву у него из-под ног: сначала нелепая шутка про загар Линь И, затем это невероятное умиротворение в доме, а теперь — вкус, который превосходил шедевры лучших кондитеров мира.

Это был нокаут.

— Линь Линь, поддержи меня...

Линь Ци протянул руку, и брат поспешно подставил плечо, заметив, что ладонь старшего мелко дрожит.

— Сердце чисто, как лед, небеса падут — не дрогну. Перемены вокруг — я спокоен. Холод вечен, мир недвижим, дух ясен, воля крепка... — Линь Ци принялся быстро и тихо шептать мантру.

Только тот, кто привык к его манере речи, мог разобрать слова в этом стремительном потоке. Линь Линь, разумеется, всё понял, и его лицо тут же вытянулось.

— Прекрати это! Ещё слово — и я за себя не ручаюсь!

Линь Ци не обращал на него внимания, продолжая бормотать. Линь Линь уже примеривался, как бы поудобнее зажать брату рот, чтобы пресечь это занудство.

— Вы чего там застряли? — раздался голос Линь Ханя, прервав назревающую потасовку.

Выйдя из парка аттракционов, Фэйфэй и Линь Яо наотрез отказались идти на ручках и теперь важно шагали сами, держась за ладони. Линь Хань, шедший впереди, так увлекся наблюдением за малышами, чтобы те не споткнулись, что не сразу заметил исчезновение братьев.

— Фэйфэй разволновался, что вы заблудились, и специально вернулся вас встретить, — ворчливо добавил Линь Хань.

Братья осознали, что простояли на месте добрых пять минут. Линь Ци тут же выпрямился, нацепил свою обычную мягкую улыбку и, подойдя к Фэйфэю, ласково погладил его по голове.

— Спасибо, малыш, что пришел за нами. Если бы мы остались с твоим братом, он бы точно нас бросил.

Фэйфэй, привыкший к нежностям, лишь забавно качнул головой.

— Не за что, второй брат.

Линь Хань только фыркнул. Эти двое бывали в особняке сотни раз, как они могли заблудиться? Но, видя искреннюю заботу Фэйфэя, он не стал спорить.

Когда они двинулись дальше, Линь Линь, доедавший яблоко почти до огрызка, не выдержал и

шепнул Линь Ханю, кивнув на фрукт:

— Сяо Хань, это яблоко... оно откуда?

— Из теплицы на заднем дворе, — просто ответил тот. — Хочешь ещё — иди и сорви.

Линь Линь поперхнулся. Так просто? Никаких секретных разработок?

— Только много не бери, — добавил Линь Хань. — Дедушка их специально для Фэйфэя выращивает. Если Фэйфэю не хватит, он вас в черный список занесет.

Линь Линь впал в ступор. Ответ был настолько будничным, что он начал сомневаться — об одном ли и том же плоде они говорят.

Вернувшись в гостиную, братья переглянулись. Слишком много потрясений для одного вечера. Всё это казалось прекрасным, зыбким сном.

— Ущипни меня, — попросил Линь Линь, снимая куртку и засучивая рукава.

Не успел Линь Ци шевельнуться, как чья-то смуглая рука крепко вцепилась в предплечье Линь Линя и крутанула кожу.

— А-а-а! Больно же! — взвыл тот, свирепо глядя на Линь И. — Старший двоюродный брат, ты чего творишь?!

— Ты сам просил тебя ущипнуть, — невозмутимо ответил Линь И.

— Я просил Линь Ци, а не тебя! Ты хоть понимаешь, какая у тебя хватка? — возмутился Линь Линь. — С твоими тренировками по скалолазанию ты мне чуть кусок мяса не вырвал! Это месть, точно месть!

Линь Линь был уверен: Линь И отыгрывается за сегодняшние шутки про его «радикально черный» цвет лица.

Тот лишь изобразил искреннее недоумение:

— О чем ты? За что мне тебе мстить? Я и не помню, чтобы ты меня чем-то обидел.

— Ладно, погоди у меня... — Линь Линь потер руку, прикидывая свои шансы в драке.

«Ничего, месть — это блюдо, которое подают холодным. Вот подкачаюсь, стану здоровее тебя, тогда и посмотрим, кто кого щипать будет».

— Братик, тебе очень больно? — Фэйфэй, всё это время стоявший рядом, робко потянул Линь Линя за край одежды.

Видя сочувствие в глазах малыша, Линь Линь тут же приосанился.

— Совсем не больно! Разве такие большие братья боятся боли?

Фэйфэй посмотрел на покрасневшую кожу. Он же всё видел! Малыш повернулся к Линь И и, потянув уже его за рукав, мягко, по-доброму проговорил:

— Большой брат, не надо драться. Нужно легонько. Ты же старший, ты должен оберегать младших, хорошо?

Для Фэйфэя это было непреложным правилом: старшие заботятся о нем, он заботится о Линь Яо. Драться нельзя. Нужно «почитать старших и любить младших». Сейчас он смотрел на Линь И взглядом воспитателя, увещающего неразумное дитя.

Линь И не успел вставить и слова, как Линь Линь подхватил Фэйфэя на руки и демонстративно отступил подальше.

Он вдруг вспомнил: ведь вся эта кутерьма с «чернотой» началась именно с Фэйфэя, который так испугался вида Линь И, что зажмурился. А вдруг Линь И решит отомстить и малышу? Фэйфэй такой нежный, такой хрупкий — он же не выдержит и сотой доли той хватки!

— Ты что это за рожи мне строишь? — Линь И нахмурился, хотя на его темном лице это было почти незаметно. — Думаешь, я на что-то способен?

Линь Линь лишь фыркнул, но взгляда с рук старшего брата не сводил, готовый в любой момент пресечь «агрессию».

Линь И вздохнул. Неужели они серьезно думают, что он тронет ребенка? К тому же, зная, как дедушка и вся семья Линь Сыняня дрожат над этим сокровищем, его вышвырнут из дома быстрее, чем он успеет извиниться. А перед этим еще и собственный дед, Линь Госюн, добавит для остротки.

Игнорируя Линь Линя, Линь И протянул руки к малышу:

— Фэйфэй, иди к большому брату, я тебя обниму?

Он чувствовал, что просто обязан провести краткий курс по «многообразию эстетики».

Фэйфэй, не чувствуя никакой угрозы (а его интуиция маленького божества работала безотказно), охотно перебрался к нему на руки. Он обхватил Линь И за шею и доверчиво положил подбородок ему на плечо.

Линь И приподнял бровь, слегка подбросив легкую ношу:

— Ну что, теперь ты меня не боишься?

— Бояться чего? — Фэйфэй не сразу понял вопрос. — Фэйфэй не боится большого брата.

«Маленький еще, всё забывает», — подумал Линь И с улыбкой.

Но Фэйфэй вдруг добавил:

— Но Фэйфэй не любит черное-черное. Черное — это страшно.

Малыш до сих пор не осознавал, что видит мир иначе. Он начал понимать, что «черный туман» — это нечто плохое. И смотреть на него было просто-напросто неприятно для глаз.

Линь И вздохнул: «Значит, всё-таки боится. А ведь я в этой семье самый темный».

Он попытался объяснить:

— Понимаешь, красота бывает разной. Нельзя говорить, что черный — это плохо только потому, что тебе нравится белый или цветной. Нужно быть терпимее.

Однако Фэйфэй проявил редкое упрямство. Он решительно качнул головой:

— Черное — нехорошо. Не надо черного.

Линь И не сдавался:

— А я, по-твоему, черный?

Он решил зайти с козырей и на собственном примере показать, что «черный» брат — это совсем не страшно.

Фэйфэй честно кивнул: да, брат очень черный. В его глазах все они — и Линь Сынянь, и Линь Цзинли — когда-то были окутаны этой тьмой. Но, заметив замешательство Линь И, он ласково погладил его по плечу:

— Брат, не бойся.

Линь И опешил: «Я что, настолько черный, что должен сам себя бояться?»

Он и не заметил, как сильно ему захотелось получить одобрение этого крохи. Раньше Линь И было плевать на чужое мнение: если он считал что-то правильным, слова окружающих его не волновали. Он тренировался с суровыми парнями из «Хэйянь», где ценили только силу, и заслужил их уважение делами, а не разговорами.

Линь И продолжал что-то увлеченно доказывать, даже засучил рукав, предлагая Фэйфэю потрогать свои стальные мышцы.

Малыш потыкал пальчиком — твердо. Попробовал ущипнуть — не поддается.

— Ого, как сильно! — восхитился он.

— Знаешь, как я их накачал? — усмехнулся Линь И.

Фэйфэй помотал головой.

— Я каждый день тренировался на солнце. Долго-долго. Вот и загорел, стал темным.

Фэйфэй вдруг кое-что вспомнил. Раз мышцы такие твердые, значит, третьему брату было очень больно!

— Большой брат такой сильный, — серьезно сказал он. — Если ты ударишь, будет очень больно. Пожалуйста, не бей больше братьев. Братьев нужно любить. Они же младше.

Этому его учили Линь Хань и Чу Сяохань.

Линь И оставалось только кивнуть. Против такой логики не попрешь.

— Хорошо, не буду.

Фэйфэй просиял и вернулся к теме:

— Брат сказал — тренировки и солнце. А дальше?

— А дальше... — Линь И на миг замялся. — Дальше выросли мышцы.

— Фэйфэй тоже гуляет на солнышке! И делает зарядку с дедушками! — малыш гордо вытянул свою пухлую, белую как снег ручонку, задрал рукав. — У Фэйфэя тоже есть мышцы. Брат, потрогай!

Папа и дедушка всегда говорили, что Фэйфэй подкачался, и теперь ему не терпелось похвастаться перед «экспертом».

Линь И озадаченно уставился на нежное предплечье. Он честно пытался найти там хоть намек на рельеф, но видел только очаровательные ямочки и мягкую детскую кожу, которую так и подмывало ущипнуть.

С предельно серьезным видом он осторожно сжал мягкую плоть. А затем, встретившись с выжидающим взглядом огромных глаз, замолчал — точь-в-точь как Линь Цзинли в свое время.

— Очень впечатляет. Фэйфэй такой маленький, а уже такой сильный. Когда вырастешь, мышц у тебя будет больше, чем у меня.

Малыш застенчиво улыбнулся, но добавил вполне решительно:

— Когда Фэйфэй вырастет и станет сильным, он обязательно защитит папу, дедушку и бабушку, всех дедушек и братьев. И брата Сяоханя, и Юаньюаня, и Ююя, и Сяоху... Всех-всех защитит!

Линь И тронуло это искреннее обещание.

— Обязательно защитишь, — подтвердил он.

Время за разговорами, играми и совместным строительством снеговика пролетело незаметно. Наступил час праздничного ужина.

Новогодний пир собрал всех вместе. Народу было столько, что пришлось накрывать два стола. Линь И возглавил «молодежное» крыло семьи.

Во главе стола восседали Линь Гохун, Линь Гошэн и Линь Госюн. Все трое выглядели на редкость бодрыми и помолодевшими — разительный контраст с прошлым годом.

Ян Юйин наконец покинула кухню, передав эстафету помощницам. За столом тут же подняли

первый тост за хозяек, подготовивших это великолепие.

Мать Линь И, Чу Чаоси, пригубила фруктовое вино и с улыбкой заметила:

— Не знаю почему, но в этом году на сердце так легко. Просто смотреть на всех нас вместе — уже счастье.

— И не говори, — поддержала её Цуй Сюань, мать Линь Яо. — Даже уезжать завтра не хочется.

По традиции, после такого застолья гостей не отпускали в ночь, и все оставались ночевать в особняке. Кто-то предпочитал гостевые комнаты, но в памяти старших братьев жил один особенный случай. Когда Линь Хань и Линь Линь были совсем маленькими, Линь И устроил для всех «сон на полу» прямо в гостиной.

Тогда он сам был еще подростком. Он притащил гору одеял, соорудив мягкое и пышное «гнездо», которое пахло свежестью и солнцем. Дети накрылись одеялами с головой, выключили свет, оставив только пылающий камин, и Линь И принялся рассказывать страшилки.

В ту ночь крики Линь Ханя и Линь Ци будили весь дом, пока разгневанные родители не явились в гостиную, чтобы разогнать «собрание». Но стоило взрослым уйти, как шепот и хихиканье под одеялами возобновились до самого рассвета.

Вспоминая об этом за столом, Линь И и остальные невольно улыбнулись. Те времена казались далекими и почти нереальными, как старые черно-белые снимки.

Тогда они думали, что таких ночей впереди еще тысячи. Но жизнь распорядилась иначе: переходный период сначала настиг Линь И, потом Линь Ци и Линь Линя... Беззаботность сменилась взрослением, и те моменты остались единственными в своем роде.

— А давайте сегодня снова так ляжем? — вдруг предложил Линь Линь, загоревшись идеей.

Линь Хань поддержал:

— Интересно, камин еще работает? Его же каждый год проверяют.

Линь Линь вскочил с места:

— Чего тогда ждем? Освобождаем площадку!

Ужин подходил к концу, и молодежь, не дожидаясь помощи, принялась за дело. Двигали

диваны, сворачивали ковры, расчищали место. Вскоре в центре гостиной образовалось свободное пространство.

Парни вихрем умчались наверх и вскоре вернулись, нагруженные охапками одеял. Пуховые, ватные, шелковые — всё шло в ход. Одеяла летели на пол, образуя уютный, хаотичный ворох, похожий на огромное птичье гнездо.

Фэйфэя и Линь Яо, как самых маленьких, посадили в самый центр этого «гнезда». Малыши, словно два любопытных птенца, во все глаза наблюдали за суетой старших.

Линь Линь, бросив последнее одеяло, присел рядом и легонько коснулся носа Фэйфэя:

— Сегодня будешь спать с братьями. Я тебе такие страшилки расскажу!

Линь Хань шутливо отвесил ему подзатыльник:

— Ностальгия — это хорошо, но обойдемся без ужасов. Если напугаешь Фэйфэя, я тебя самого в камин засуну.

Несмотря на ворчание, в его голосе слышалось предвкушение — то самое, из далекого, счастливого детства.

<http://bllate.org/book/13654/1592675>